

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/159-174

Научная статья

© И. В. Стасевич

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЛОВОЗРАСТНОЙ ГРАДАЦИИ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА)

Социальная организация казахского общества достаточно хорошо изучена, при этом тема половозрастной стратификации социума освещена в научных трудах лишь отчасти. Цель статьи — познакомить читателя с основными способами адаптации представлений о традиционной половозрастной градации общества в современной казахской культуре. Происходит ли эта адаптация, в принципе, или эти представления постепенно теряют свое значение в жизни человека, растворяются в современном информационном пространстве, переходят в разряд исторической памяти о традициях предков? Статья написана на основе полевых этнографических материалов, собранных автором в ходе работ на территории Западного Казахстана. В исследовании использованы методы историко-культурного и этнографического подходов. Функциональное значение возрастных общностей в современной казахской культуре, по сравнению с традиционной, сильно редуцировано. Уместно, говорить, скорее о сохранении представлений о градации общества по половозрастному признаку, чем о четко сформированных возрастных стратах. Тем не менее, принадлежность к определенной возрастной степени определяет основной круг прав и обязанностей человека, его социальный статус, устойчивые поведенческие стереотипы, место и роль в обрядовой системе. Возраст, пол и кровнородственные связи являются структурными принципами социальной организации казахского общества до настоящего времени.

Ключевые слова: казахская культура, половозрастная стратификация, возрастной символизм, стереотипы поведения, адаптация традиции

Ссылка при цитировании: Стасевич И. В. Традиционные представления о половозрастной градации общества в современной казахской культуре (на материалах Западного Казахстана) // Вестник антропологии. 2025. № 3. С. 159–174.

UDC: 39+069.01

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/159-174

Original article

© Inga Stasevich

TRADITIONAL CONCEPTIONS ABOUT GENDER AND AGE STRATIFICATION IN CONTEMPORARY KAZAKH CULTURE (THE CASE OF WESTERN KAZAKHSTAN)

Issues related to the traditional gender and age stratification in a society have been repeatedly raised by researchers in the context of a general study of the age structures of the Central Asian peoples. In recent decades, however, the topic of the gender and age structure of Kazakh society, especially the topic of contemporary Kazakh conceptions of traditional age communities, has not been the focus of research. The main aim of this article is to introduce the dominant ways in which conceptions of traditional gender and age stratification are adapted in contemporary Kazakh society. Do these conceptions remain relevant, or are they gradually losing their significance in everyday life, dissolving in the modern information space, and becoming part of the historical memory? The article is based on field ethnographic research conducted by the author in Western Kazakhstan. The article uses historical, cultural and ethnographic methods. The functional significance of age communities in contemporary Kazakh culture is greatly reduced in comparison with traditional culture. It seems more appropriate to talk about the preservation of conceptions of the gender and age stratification in the society, rather than about clearly formed and rigid age classes. However, belonging to a certain age group determines a person's basic rights and responsibilities, his or her social status, stable behavioral patterns, place and role in the ritual system. The general attitude towards the biosocial rhythms of society and human life is preserved and appears to be a living functioning system. This allows us to conclude that ideas about the gradation of society according to gender and age still play a significant role in the lives of contemporary Kazakhs.

Keywords: Kazakh culture, gender and age stratification, age symbolism, behavioral patterns, adaptation of tradition

Author Info: Stasevich, Inga V. — Ph.D. in History, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: stinga73@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5213-4647>

For citation: Stasevich, I. V. 2025. Traditional Conceptions About Gender and Age Stratification in Contemporary Kazakh Culture (the Case of Western Kazakhstan). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 159–174.

Введение

Тема традиционной половозрастной стратификации общества не раз затрагивалась исследователями в контексте общего изучения возрастных структур народов Центральной Азии (Толстов 1938: 72–81; Толстов 1948; Задыхина 1951: 157–159; Сне-

саев 1963: 155–205; Снесарев 1964; Сазонова 1978: 10–11; Лобачева 1989: 83–95 и др.). Впервые проблема выделения возрастных классов была четко сформулирована в работах С. П. Толстова, где на примере мужских союзов, характерных для таджикской, узбекской и киргизской культур, он обосновал необходимость изучения сущности этого явления и определения его места в истории народов Центральной Азии. В 1930-х гг. советские этнографы активно разрабатывали проблематику эволюции «общинно-родовой организации» и потестарности. В рамках принятой концепции эволюционизма, возрастные классы рассматривались как форма институализации возрастных страт. Разделяя точку зрения С. П. Толстова по данному вопросу, К. Л. Задыхина полагала, что у народов центрально-азиатского региона сохраняются пережитки возрастных классов «как реликтовые формы половозрастного деления» (Задыхина 1951: 161). Она обратилась к анализу половозрастной стратификации тюркских народов, в том числе казахов, и, что, несомненно, важно — описала способы ее символизации (каждая возрастная группа имеет свои отличительные особенности, выражавшиеся в одежде, украшениях, прическе, в обязанностях и нормах поведения в повседневной и обрядовой жизни). Итогом исследований стал вывод о том, что представления и традиции, связанные с возрастными классами по мере развития общества теряют свое исходное социальное значение, а сам институт превращается в пережиток, «сохраняются лишь некоторые незначительные и формальные признаки половозрастных группировок» (Задыхина 1951: 178). Однако К. Л. Задыхина подчеркивает, что, несмотря на это, изучение «обрядовых пережитков» все же представляет несомненный интерес для понимания путей развития культур народов Центральной Азии.

Вопрос терминологии описания возрастных категорий активно обсуждался в гуманитарных науках в 1980-х гг. Традиционно, категория «возрастной класс» рассматривается как институализированная возрастная степень, которая, в свою очередь является культурно-нормативной стадией жизненного цикла. Эти понятия большей частью соотносятся с биологическим возрастом человека, в отличии от «возрастной группы» индивидов, обладающих одним социальным возрастом. Таким образом, в течение жизни человек принадлежит только к одной возрастной группе, но последовательно к разным возрастным классам (Попов 1982: 75). И. С. Кон ввел в отечественную этнографию понятие «возрастного символизма» — отражение возрастных процессов и свойств в культуре (Кон 1981: 98–106), что заметно упростило интерпретацию этнографических терминов, обозначающих возрастные объединения. И. С. Кон соотнес такие понятия как «возрастные степени», «возрастные классы», «возрастные группы» с системой возрастного символизма, обозначив, что «возрастные степени обозначают культурно-нормативные аспекты жизненного цикла, а возрастные классы и возрастные группы — соответственно социально-структурные и функционально-организационные аспекты возрастных отношений» (Кон 1981: 99). Другими словами, возрастная степень — это значимый в культуре возрастной рубеж, возрастные классы обозначают возрастные слои населения, а возрастные группы — организации, основанные на общности возраста ее членов, имеющие структуру, функции и знаковые средства, принятые в рассматриваемой нами культуре.

При описании современных традиций и практик, мы, как правило, имеем дело с понятием «возрастного символизма», который включает в себя принятую в культуре возрастную терминологию, периодизацию жизненного цикла, возрастные стереотипы поведения, возрастные обрядовые практики и возрастную субкультуру, которая позво-

ляет носителям традиции воспринимать себя как некую общность, отличную от других возрастных объединений. В современной культуре, в отличие от традиционной, гораздо в меньшей степени сохраняется четкая система возрастных группирований.

В отношении казахской культуры выделение возрастных классов, в том виде, как они были описаны для ряда сообществ мировой ойкумены, оставалось долгое время на уровне гипотезы. Вопросы половозрастной стратификации общества активно разрабатывались при описании обрядовых практик, этикета, системы дарообмена. Отчасти проблематика выделения половозрастных общностей освещалась казахстанскими этнографами при описании социальной организации казахов (Толыбеков 1971; Аргынбаев 1973; Масанов 2011: 375–418 и др.). Впервые достаточно подробную характеристику градаций жизненного цикла казахов предложила Н. Ж. Шаханова, вернувшись к вопросу об «остаточных элементах системы возрастных классов» в казахской культуре. Она же поставила вопрос о существовании в традиционном казахском обществе возрастных корпоративных группирований (Шаханова 1993: 137–150; Шаханова 1998).

В последние десятилетия тема половозрастной структуры казахского общества, тем более тема современных представлений казахов о традиционных возрастных общностях, не становились объектом самостоятельного исследования. Отдельные замечания по этому поводу можно найти в работах так или иначе связанных с описанием социальной организации (Стасевич 2011; Телеуова 2018: 47–55), обрядовой культуры (Ерназаров 2003; Игibaева, Касымбекова 2018: 150–153), этикетных норм (Тохтабаева 2017: 7–56) казахов. Но нужно иметь в виду, что большинство авторов в своих рассуждениях отталкиваются от «классической» традиции, изложенной в письменных источниках, и в первую очередь, в научных публикациях конца XIX–XX в. Введение в широкий научный оборот современных материалов дает возможность критически оценить имеющиеся по теме материалы и зафиксировать способы адаптации традиционной модели в современной культуре.

С определённой долей условности в жизненном цикле человека можно выделить четыре возрастные группы: дети, молодежь, зрелые люди и старики. Хотя число возрастных рядов, проходимых человеком в течение жизни, несомненно, больше, но в целом они могут быть сгруппированы в 4–5 возрастных слоя, различающихся между собой и по соответствующему поведению индивида, и по его правам и обязанностям в обществе, более существенно. Например, в казахской культуре возрастные рубежи взросления ребенка от рождения до обряда сорокодневья (*баланы қырқынан шығару*), обряда разрезания пут (*тұсай кесү*), обряда обрезания (*сұндет той*), проводов в первый класс (*тілашар*) и т. д. включает много временных этапов, но все они относятся к детскому периоду, до перехода в возрастную группу подростков. Времячисление в казахской культуре по традиции происходило по 12-летнему циклу (*мүшел жас*). А. Б. Мухамбетова, считая *мүшел жас* системной основой казахской культуры, предлагает следующую структуру возрастной циклизации: первый мушель — (1 год — 12 лет) — детство; второй (13 лет — 24 года) — молодость; третий (25–36 лет) — зрелость; четвертый (37–48 лет) — зрелость; пятый (49 лет — 62 года) — старость (Мухамбетова 1989: 111; Шаханов 1993: 137). В настоящее время границей первого возрастного перехода все так же считается первый *мүшел жас* — 13 лет. Возрастные границы были всегда подвижными, четкой привязки отдельного термина, обозначающего принадлежность индивида к точному возрасту, не существовало. Они зависели

от этапов социализации личности, от культурных стереотипов и ценностных ориентиров, то есть от социокультурных обусловленностей возрастных свойств. Как пишет И. С. Кон, «неопределенность, условность хронологически выражаемых возрастных границ — общее свойство любой развитой культуры» (Кон 1981: 101). Начало того или иного возрастного рубежа маркировалось совершением обрядовых мероприятий. По представлениям носителей традиции, обряды жизненного цикла должны были способствовать реализации потенциала человека, которым он обладал в определенный возрастной период. Н. Шаханова справедливо отмечает, что в возрастных системах традиционных обществ, и в том числе казахском, связи между возрастными подразделениями в системе возрастных классов носят групповой характер, а не индивидуальный (Шаханова 1998: 149). Уверено можно считать, что возрастные термины охватывают определенный возрастной диапазон. Единственным исключением является сообщество сверстников (*құрдас*), но изучение этой возрастной группы — тема будущего исследования, связанная с анализом традиции существования подобных возрастных структур в диахронической перспективе.

Несколько слов о самих терминах применимы к различным половозрастным ступеням. В основном они входят в фонд живого казахского языка. Все термины были зафиксированы в беседе с информантами, опрошенные достаточно свободно владеют терминологией, в разговоре выделяют возрастные ступени, каждая из которых имеет свое наименование. Старшее и, отчасти, среднее поколения хорошо владеют знаниями о «классической» традиции, среди основных источников информации о ней, люди пожилого возраста называют публикации в журналах, газетах, теле и радио передачи, общение с родственниками и знакомыми в мессенджерах. Для молодого поколения и людей до 40 лет одной из основных площадок общения остается семья, но значительная роль отводится и получению информации через сеть Интернет, включая, социальные сети и тематические форумы (Стасевич 2021: 168–178).

Казахская культура развивается динамично, происходят процессы модернизации, а, отчасти, и европеизации общества. Современное состояние традиции позволяют зафиксировать полевые этнографические исследования. Настоящая статья написана на полевых материалах автора. Цель статьи — обозначить основные формы адаптации представлений о традиционных половозрастных общностях и статусах в современной казахской культуре. Происходит ли эта адаптация, в принципе, или эти представления постепенно теряют свое значение в жизни человека, растворяются в современном информационном пространстве, переходят в разряд исторической памяти о традициях предков?

Материалы и методы

В работе использованы методы историко-культурного и этнографического подходов. В основу анализа представлений современных казахов о половозрастной стратификации общества легли полевые этнографические материалы, собранные автором в Западном Казахстане (*Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская области*) (ПМА 2006, 2007, 2022, 2024). При сборе материала применялся метод формализованного и биографического интервью по заранее составленным опросникам, было проведено письменное анкетирование среди молодежи, в основном среди студентов ВУЗов г. Уральска. Тема половозрастной стратификации современного казахского общества

впервые изучалась автором в 2006 г. (ПМА 2006; Стасевич 2007: 143–159), исследования были продолжены в 2022 и 2024 гг. (ПМА 2022, 2024). Полученные материалы, позволили зафиксировать состояние традиции во временном диапазоне.

Общей сложностью было проведено 53 интервью, в которых затрагивалась тема половозрастной стратификации в современном казахском социуме. Среди опрошенных 55% составили люди среднего и пожилого возраста (от 30 до 80 лет), остальные 45% — молодые люди от 18 до 30 лет. Опорными темами интервью стали: значимые возрастные рубежи в жизни человека, термины, использующиеся в разговорном и литературном языке, для обозначения возрастных статусов, термины, сохраняющиеся на уровне исторической памяти, роль старших родственников в определении жизненных стратегий.

Планомерный сбор этнографического материала даёт возможность зафиксировать динамику изменений/устойчивое состояние изучаемой традиции на достаточно длительном отрезке времени — 15–16 лет. Забегая вперед, можно констатировать, что серьезных изменений в представлениях современных носителей традиции о половозрастной градации общества за этот период обнаружить не удалось. Это говорит об их устойчивости и жизнеспособности.

Современные представления о половозрастной градации общества. Сtereотипы поведения

Новорожденного, вне зависимости от пола, называют *нәристе* (от рождения до года), *сәби* (от года до трех лет). Однако, это термины не повседневного общения. В разговоре младенца называют *бөле*, *балапан* (иносказательное, дословно «птенчик»)

До первого *мушеля* (до 13 лет) и девочки (*кыз бала*), и мальчики (*ер бала // боз бала*) считаются детьми. В современном языке употребляется для обозначения детей этого возраста лексемы *кыз* для девочек и *бала* для мальчиков.

По традиции, только после тридцатого дня рождения дети переходят в новую возрастную категорию девушек (*кыз*) и юношей (*жігітов*, *жас жігіт*).

Было зафиксировано употребление традиционного термина *байжетken қыз*, по отношению к девушкам старше 15 лет и до момента замужества. Если девушка не выходит замуж, то по отношению к ней термин *байжетken қыз* может употребляться до 25–26 лет. После этого возраста незамужняя девушка, по мнению носителей традиции, принадлежит уже кругу старых дев (*қарі қыз*) (ПМА 2006, 2022). Возрастная ступень *байжетken қыз* по традиции охватывает девушек, достигших брачного возраста, возрастные рубежи со временем заметно сдвинулись, как и сам брачный возраст. По традиции *байжетken қыз* называли девушек 13–15 лет (Шаханова 1998: 144). В настящее время после окончания школы девушки стараются получить образование, предпочтительным возрастом невест считается период от 18 до 23 лет.

Поведение молодежи до брака отличается заметной свободой, активизацией половых ролей, половой социализацией. Наблюдая за женщинами в семейном окружении, можно прийти к некоторым заключениям по поводу специфики их поведения и ориентированности этого поведения на традиционные стереотипы. Девушки до замужества и женщины, не вышедшие замуж, ведут себя достаточно независимо, более смело, чем замужние сверстницы, что, в принципе, соответствует традиционной модели поведения казахской женщины до брака.

Следующая возрастная ступень связана с жизнью человека в браке. Первые годы замужества для молодой женщины сопряжены с соблюдением ряда запретов вербального и поведенческого характера. До настоящего времени сохраняются традиционные статусы, а, следовательно, и поведенческие стереотипы старшей женщины в семье — свекрови (*ене*) и невестки (*келін*). Невестка, следуя обычаю, не называет имен старших родственников мужа. Обычно это условие оговаривается на семейном совете, где определяются способы обращения невестки к родителям и родственникам мужа. Кроме этого, невестка, даже если она не живет в одном доме со свекром и свекровью, при их присутствии должна придерживаться традиционного этикета в одежде, не есть в присутствии старших, разливать чай за столом, не вступать первой в беседу, вести себя весьма скромно «не поднимая глаз». А если женщина живет в одном доме с родителями мужа, то к этим обязанностям в поведении добавляются дополнительные: раньше всех просыпаться с утра, готовить чай, будить и приветствовать родителей мужа, слушаться свекровь, выполнять все ее поручения по ведению домашнего хозяйства. Эти правила особенно актуальны для семей, живущих в сельской местности и имеющих собственное хозяйство. Большинство женщин высказалось, что они не испытывают затруднений при выполнении подобных правил поведения, считают их нормой, хотя почти каждая из опрошенных смогла привести пример психологического насилия свекрови по отношению к невестке. С другой стороны, те же информантки отметили, что бывают и исключения, когда свекровь любит свою невестку больше, чем родного сына, заботится о ней как о дочери (ПМА 2006; Стасевич 2007: 151–152). Кроме того, в общении между невестками также прослеживается традиционная модель отношения старших (*абысын*) и младших (*ажысын*) снох в семье. Старшая сноха играет большую роль в жизни семьи. Именно к ней после смерти свекрови переходит статус старшей женщины в семье.

Несомненно, что степень соблюдения традиционных запретов в поведении молодой невестки зависит от степени традиционности семьи мужа. Если члены семьи мужа придерживаются традиционных основ внутрисемейного этикета, то в независимости от социального статуса, образования, карьерного роста *келін* семьи будет вынуждена вести себя соразмерно правилам. Значительную свободу в поведении обретает семья, живущая отдельно от родителей мужа. По традиции казахи придерживаются принципа минората, когда с родителями остается жить младший сын с семьей, который и наследует дом и имущество отца (*қара шаңырақ*). В настоящий время данный обычай часто нарушается, но в сельской местности родители крайне редко остаются жить одни, кто-либо из женатых сыновей, необязательно младший, продолжает жить с ними. В городе ситуация иная — многие семьи предпочитают жить раздельно со своими возрастными родителями (ПМА 2024). Дети помогают им, как материально, так и по хозяйству, в проведении всех обрядовых и праздничных мероприятий, но при этом проживают с ними раздельно. Это очень интересно, так как полностью нарушает традицию и само представление о символичности домашнего пространства *қара шаңырақ*. Старики, проживая отдельно от детей, теряют и часть своего семейного статуса старших. Несомненно, это последствие урбанизации.

В традиционалистских семьях правила совместного проживания детей и родителей стараются придерживаться, в связи с этим сын, наследующий за отцом, лишается самостоятельной жизненной стратегии. Иногда сыновьям по требованию родителей приходится возвращаться в отчий дом, отказавшись от карьеры, жизни в

другом городе, в другой стране. Но слово родителей — неукоснительный закон, а родительский дом — основа семьи и не должен оставаться без хозяина. Если в семье нет сыновей, то нередко замужние дочери, живущие отдельно от семьи мужа, забирают в свой дом престарелых родителей (ПМА 2006, 2007, 2024).

В первые несколько лет брака главным для женщины становится подтверждение ее fertильности, способности к деторождению. Именно поэтому в традиционной культуре молодая *келін* надевала головной убор замужней женщины только через год после свадьбы. За этот период молодая невестка, при благополучном стечении обстоятельств, уже должна была родить первого ребенка.

При характеристике возрастного статуса молодых мужчин, в возрасте до 30 лет, вне зависимости от семейного положения, широко употребляются лексемы *дұр жігіт/жігіт*. Мужчины в традиционной культуре к 30 годам переходили в возрастной класс зрелых мужчин — «ер кісі» (Шаханова 1998: 146). Такой термин в общении с информантами мной не был зафиксирован. Информанты активно употребляют одну из разновидностей названия возрастного подразделения мужчин от 30 до 50 лет — *жігіт-агасы*. Мужчина в этом возрасте, по мнению носителей традиции, уже имеет накопленный жизненный опыт — он женат, у него есть дети, самостоятельное хозяйство, следовательно, он способен решать насущные семейные вопросы, давать советы своим младшим братьям, участвовать в обсуждении дел семьи. По мнению информантов, большое значение имеет то, что у мужчины среднего возраста уже есть женатые сыновья, замужние дочери. «Он уже сам, *куда* (сват — I. C.),уважаемый человек, к 50 годам, это возраст расцвета мужчины, он уже и обычай знает, может участвовать в сбоях средств, в разговорах старших мужчин, аксакалов, он еще не аксакал, но старший» (ПМА 2022). Социальный статус мужчины в возрасте 45–50 лет рассматривается как наиболее прочный, подкрепленный признанием в обществе, но находящийся все еще в активной фазе реализации. Именно из группы мужчин 45–50 лет выходят лидеры, в широком смысле этого слова. Этоозвучно традиционным представлениями казахов о «возрасте лидера», который соотносится с так называемым, периодом среднего возраста. К этому времени человек приобретал жизненный опыт, профессиональные знания. В традиционном обществе мужчины этого возраста активно реализовывали свои таланты опытного воина, справедливого судьи, религиозного лидера общин, мудрого главы семейно-родственной группы, рода. Они занимали активное положение в обществе, прислушиваясь к советам старших, самостоятельно принимали основные судьбоносные решения и несли за них ответственность. В настоящее время эта схема реализуется, к примеру, в отношениях главы аула и Совета *ақсақалов*.

В современную казахскую культуру прочно вошел обычай отмечать юбилеи, особенно значимой датой считается шестидесятилетие, которое празднуют как настоящий казахский той с большим количеством приглашенных гостей. Возможно, это связано с тем, что шестидесятилетие приближает мужчину к значимому возрастному порогу — возрасту Пророка Мухаммада, *пайғамбар жасасы* (63 года). Шестидесятилетний юбилей (*асқаралы алтыс жас*) всегда устраивают дети юбиляра, ведущая роль остается за сыновьями, по словам информантов «они отдают долг отцу, все должны увидеть, что сыновья благодарны отцу» (ПМА 2022). Считается, в этом возрасте мужчина уже реализовал свой жизненный потенциал, его социальный вес достигает своего максимума, он переходит в разряд *ақсақалов*. Уважительное название пожилого мужчины, в возрасте после 75 лет: *қарт*, *қария* (обычно стариk, старше 90 лет), *абыз* (искажённое

от арабского «хафиз»), как к человеку, умудренному опытом, способному дать благословение, знающему и умеющему читать Коран (ПМА 2022). Статус *ақсақала* в казахской среде исключительно высок, это связано не просто с почтительным отношением к возрасту, но и с устойчивыми представлениями о культе предков в традиционной системе ценностных ориентиров казахов. Казахи с особым почтением относились к долгожителям. Если прадед (*баба, ұлы ата*) доживал до ста лет, то он приобретал статус почитаемого, священного старца и пользовался таким же вниманием и заботой, как и младенец. Согласно этикету, молодой человек при встрече даже с незнакомым ему старцем обязан был поприветствовать его (Тохтабаева 2017: 5).

Ақсақал — старшая возрастная группировка. Однако, возраст является важным, но не единственным критерием ее определения. Не каждого пожилого мужчину можно назвать *ақсақалом*. Л. Ф. Попова описывая социальные функции старших возрастных групп казахов и киргизов, пишет, что *ақсақал* — это скорее статус, который может быть присвоен человеку, обладающему определенными личностными качествами, опытом и харизмой. Поэтому не всякий старый человек может называться *ақсақалом*, особенно в случае его низкой социальной активности (Попова 2012: 86–87). Таким образом, статус *ақсақала* имеет социальную основу, но подкреплен обязательным возрастным цензом.

Замужние женщины в возрасте от 35 до 50 лет, по мнению информантов, составляют особую возрастную общность. «Это возраст, когда уже у женщины есть дети, часто и внуки... дети уже замужние... сыновья женатые, дочери вышли замуж... она уже показала родне мужа, что и хозяйство может вести и детей, внуков воспитать, стариков уважить, гостей принять по всем правилам, обряды знает, советы молодым *келин* дает...» (ПМА 2022). Женщины этого возраста имеют устоявшийся семейный статус женщины-хозяйки, соответствующей основным ценностным ориентирам казахской культуры.

Уважительное обращение к старшей по возрасту женщине — *апай* или *ана* (в зависимости от степени официальности коммуникации), *әпке*, к пожилой женщине, имеющей внуков, по возрасту старше матери говорящего — *әжес* (бабушка). В сложившейся системе обращений наблюдается региональная специфика. Так обращение к старшей женщине *ана*, в южных регионах Казахстана может восприниматься как негативное, обидное, там чаще употребляется обращение *тәтә*, а лексема *ана* используется при разговоре с женщиной преклонных лет, имеющей внуков, бабушкой. На западе Казахстана лексема *тәтә* используется при разговоре со старшим мужчиной, скажем, братом отца или старшим братом.

Уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине — *ага*, *агай* (опять же все зависит от степени официальности отношений между говорящими).

Старшие могут обратиться к младшему мужчине используя слово *іні / інішек*, как уменьшительное, доброжелательное обращение «младший брат», «братишка».

Женщину сверстнице назовут по имени, девушку — *қарындас*, как более младшую, дословно «младшая сестренка». Если временной разрыв возрастов значительный, то нормой обращения становится употребление лексемы *ана*.

В казахской культуре некоторые лексемы, употребляющиеся для обозначения родственных отношений, в разговорном языке могут использоваться при вежливом обращении к человеку, независимо от имеющихся кровных связей. Подобный вербальный этикет демонстрирует устойчивость норм межличностного общения, основанного на признании возрастного старшинства и авторитета.

Женщину, родившую первого ребенка, как в разговоре, так и в литературном языке, могут назвать *жас ана*, есть такой словесный оборот: *ақ жаулық ана*, что дословно означает «женщина мать в белом платке» (ПМА 2022), возможно, здесь прослеживается намек на традиционную смену головного убора женщиной после рождения первого ребенка (*Stasevich 2016: 34*).

Женщины старшего возраста ведут себя уверено, открыто высказывают свои суждения, держатся как полноправные хозяйки дома, наравне с мужчинами, которых, тем не менее, признают хозяевами в доме и всегда прислушиваются к их мнению. Традиционно женское лидерство в семье является скрытым, никогда не афишируется при людях. Нарушение этого правила недопустимо по нормам этикета.

По традиции женщины старше 55–60 лет переходят на следующую возрастную ступень *бәйбіше*, соотносимую с аналогичной у мужчин возрастом *ақсақал*. Термин *бәйбіше* определяет брачный статус первой, старшей жены. Но, как отмечает Н. Шаханова, в более поздней трактовке он как бы сочетает в себе возрастной и брачный статус (*Шаханова 1998: 147*). В настоящее время этот термин вышел из активного употребления, информанты его знают, но больше ассоциируют с брачным статусом женщины. В разговорной речи, с определенной долей шутки, мужчина может так назвать свою жену, подчеркивая ее единоличный брачный статус.

Был зафиксирован весьма показательный случай, к пожилой женщине, к вдовствующей хозяйке дома уважительно обратились *отагасы*. Это обращение используется обычно по отношению к старшему мужчине в семье, к главе семьи. К женщине старшего возраста уместно, по традиции, обратиться, *отанасы*. Однако, пожилые вдовы наследуют статус главы семьи после смерти супруга. В этом случае мнение матери-вдовы оказывается основным при решении не только вопросов, традиционно находящихся в сфере женской компетенции, но и других вопросов, связанных с жизнью семьи, которые до своей смерти решал ее муж как глава семьи. Даже если старшим мужчиной в семье после смерти отца становится его сын, то мать-вдова все равно играет в жизни семьи ведущую роль — она становится главой семейного совета. Окружающие относятся к такой женщине как к представителю рода мужа, «хранительнице очага», ее приглашают на все обряды, например, на поминках пожилые вдовы могут находиться среди мужчин, за «мужским» дастарханом, что еще раз подчеркивает то, что такие женщины наследуют социальные статусы своих покойных супругов. В данном случае особую роль играет как их возраст (они вышли из фертильного возраста, перешли в возрастную группировку пожилых женщин), так и семейный статус, основывающийся на их личных качествах и признании всеми членами семьи их лидерства. По мнению некоторых информантов, обращение к таким женщинам *отагасы* приравнивает их положение в обществе к статусу *ақсақалов* (ПМА 2022).

С другой стороны, возможно этот случай показывает размытие основ традиционной терминологии возрастных и социальных статусов, когда лексема, обозначающая мужское старшинство в семье стала применяться по отношению к женщинам того же возраста и статуса.

Некоторые термины, существовавшие в традиционном обществе, в настоящее время вышли из разговорного употребления, перешли в разряд литературных. Например, такой иносказательный термин как *сары қарын әзель* (дословно «спелое брюхо, живот»), применяющийся по отношению к женщинам, имеющим многочисленное потомство, находящимся в возрасте постепенного снижения фертильности,

45–55 лет, в настоящее время в разговорной речи воспринимается как негативный, указывающий на физиологические изменения во внешнем виде женщины, прошедшей через многочисленные роды (ПМА 2022, 2024).

До настоящего времени возрастные статусы, особенно старших возрастных групп, напрямую зависят от семейного положения человека, в частности, состоит ли он в браке, имеет ли многочисленное здоровое и благополучное потомство. Эти критерии опираются на систему ценностных ориентиров казахского этноса, где рождение детей, особенно наследника, занимает ведущую позицию. Бездетность семьи расценивается как большое несчастье, «кара Божья» и значительно понижает статус семьи в обществе. Социальная активность и признание в обществе так же являются одними из основополагающих моментов при определении социально-возрастного статуса человека.

В возрасте 55–60 лет в поведении и мужчин, и женщин ярко проявляется стремление к традиционализму и повышенной религиозности. Мужчины начинают посещать мечеть, учатся читать Коран, в одежде, даже в повседневной, пожилых людей часто присутствует элемент национального костюма, как правило, головной убор. Такой образ жизни рассматривается как праведный, достойный человека, умудренного опытом, воспитывающего внуков. Читать *бата*, то есть уметь давать благословление младшим, мужчины учатся уже после 50 лет, некоторые из них заучивают тексты, но высшим уровнем считается импровизация, сохраняя общий канон благословения, вплести в текст фразы собственного сочинения.

Заключение

Вопрос о существовании возрастных классов в кочевых обществах неоднократно ставился под сомнение. В частности, К. П. Калиновская пишет, что уnomадов «азиатской» формы отсутствует система возрастных классов, а, следовательно, нет и возрастных подразделений как производственных коллективов (*Калиновская 1989*). В этом справедливо усомнилась Н. Шаханова, она пришла к противоположному выводу: у казахов сохраняются «остаточные элементы системы возрастных классов, существовавших в прошлом и имевших непрерывную цепь развития» (*Шаханова 1998: 149*).

Современные материалы подтверждают выводы Н. Шахановой. Мы фиксируем в современной казахской культуре достаточно четкую систему градации общества в зависимости от биологического и социального возраста индивида. На этих представлениях основывается понимание биосоциальных ритмов жизни человека, а, следовательно, и обрядность жизненного цикла. Возраст, пол и кровнородственные связи являются структурными принципами социальной организации казахского общества до настоящего времени.

Функциональное значение возрастных общностей в современной казахской культуре, по сравнению с традиционной, сильно редуцировано. Уместно, говорить, скорее о сохранении представлений о градации общества по половозрастному признаку, чем о четко сформированных половозрастных стратах. Тем не менее, принадлежность к определенной возрастной степени определяет основной круг прав и обязанностей человека, его социальный статус, устойчивые поведенческие стереотипы, место и роль в обрядовой системе. Несмотря на то, что современное казахское общество сохраняет весьма условную традиционную основу, представления о

возрастных границах биологического и социального возраста человека оказываются весьма жизнеспособными. В традиционном обществе подобные представления достаточно сильно привязаны к производственному циклу, к социальной стратификации общества. В современной жизни их адаптации способствует сохранение основ социально-родственной организации казахского общества и потребность обрядового оформления основных этапов жизненного цикла человека, что обеспечивает актуальность воспроизведения традиционных практик и создание новых на основе переосмыслиния традиционных образцов.

Этнографы неоднократно отмечали, что в традиционном семейном хозяйстве народов Центральной Азии имеет место распределение обязанностей с учетом половозрастной градации (Задыхина 1951: 157–179; Сазонова 1978: 10–11; Лобачева 1989: 83–95). В традиции переход из одного возрастного класса в другой оформлялся соответствующим обрядом, отражался в прическе, костюмном комплексе. В современной казахской культуре, при постепенном ослаблении коллективистских связей, хозяйствственные обязанности человека, даже в сельской местности, практически не зависят от возрастного статуса, наиболее ярко представления о градации общества по половозрастному признаку сохраняются в этикете и, отчасти, в обрядовой сфере. В частности, в организации гостевых и обрядовых трапез по признаку пола и возраста, в системе рассаживания гостей за столом, в нормах повседневного общения, в круге прав и обязанностей для разных возрастных ступеней, в живых традициях сверстничества. Причем, в этикетном поведении социальный и возрастной статус оказывается более значимым, по сравнению с родовым старшинством.

Несомненно, что в традиционном обществе половозрастная стратификация более сложная, по сравнению с современной, в ней больше временных рубежей биосоциальной жизни человека, которые нуждаются в обрядовом оформлении. В настоящее время в казахской культуре сохраняются представления об основе возрастной периодизации жизни человека, некоторые, в прошлом широко известные, термины, понятия перешли в сферу исторической памяти народа. В данном вопросе, остается согласиться с мнением К. П. Калиновской, которая пишет, что, уйдя из социально-экономических основ жизни общества, институт возрастных классов продолжает жить в них как культурная ценность (Калиновская 1995: 175).

Одним из наиболее устойчивых остается принцип градации жизни человека посредством 12-летнего цикла (*мүшел жас*). Самым значимым рубежом, по традиции, считается первый *мүшел*, время перехода из детского возраста в подростковый. По мере взросления человека значимость возрастного фактора при определении возрастной общности ослабевает. В молодом и среднем возрасте границы возрастных классов (по терминологии И. С. Коня) весьма размыты, поэтому возрастной статус заметно уступает социальному (достигнутому) в определении жизненных стратегий человека. Возраст начинает играть свою роль после достижения человеком преклонных лет, когда к социальному статусу, основанному на жизненном опыте, достижениях и признании, автоматически добавляется возрастной. Уважение к старшим является одним из основополагающих моментов традиционного казахского этикета.

Основные изменения произошли в определении возрастных рубежей социобиологической жизни человека. Даже учитывая, традиционную подвижность границ между возрастными стратами, можно с уверенностью утверждать, что в современной казахской культуре эти границы еще больше размываются: увеличился диапа-

зон брачного возраста у обоих партнеров, заметно увеличился период социальной активности человека, вплоть до преклонных лет.

За счет расширения информационного поля, появления новых способов сохранения и тиражирования информации, современная казахская культура получает модернизационные импульсы значительно чаще, чем 50–100 лет назад. Тем не менее, общее представление о биосоциальных ритмах жизни общества и человека сохраняется и предстает как живая функционирующая система, что позволяет нам сделать вывод — представления о градации общества по половозрастному признаку все еще играют значительную роль в жизни современных казахов.

Источники и материалы

- ПМА 2006 — Материалы полевых исследований автора. Архив МАЭ РАН. Ф. КI, оп. 2. № 1799. Отчет о работе Актюбинской этнографической экспедиции, 2006 г.
- ПМА 2007 — Материалы полевых исследований автора. Архив МАЭ РАН. Ф. КI, оп. 2. № 1839. Отчет о работе Актюбинской этнографической экспедиции, 2007 г.
- ПМА 2022 — Материалы полевых исследований автора. Архив МАЭ РАН, в научно-технической обработке. Отчет о работе этнографической экспедиции в Атырауской области, Республика Казахстан, 2022 г.
- ПМА 2024 — Материалы полевых исследований автора. Архив МАЭ РАН, в научно-технической обработке. Отчет о работе этнографической экспедиции в Западно-Казахстанской области, Республика Казахстан, 2024 г.

Научная литература

- Ерназаров Ж. Т. Семейная обрядность казахов: символ и ритуал. Алматы: б/и. 2003. 200 с.*
- Задыхина К. Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. Сер. М.: Наука, 1951. Т. XIV. Родовое общество. С. 157–179.*
- Игibaева А. К., Касымбекова Г. К. Социокультурные и психологические аспекты возрастной периодизации казахов // Женщины-ученые Беларуси и Казахстана: сб. материалов Международной научно-практической конференции. Минск: РИВШ, 2018. С. 150–153.*
- Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв.: хозяйство и социальная организация. М.: Наука, 1989. 255 с.*
- Калиновская К. П. Очерки этнологии Восточной Африки. М.: ИЭА РАН (Координационно-методологический центр прикладной этнографии), 1995. 359 с.*
- Кон И. С. К проблеме возрастного символизма // Советская этнография. 1981. № 6. С. 98–106.*
- Лобачева Н. П. Сверстники и семья (К вопросу о древней половозрастной градации общества у народов Средней Азии и Казахстана) // Советская этнография. 1989. № 5. С. 83–95.*
- Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельностиnomadного общества. Изд-е 2-е, дополненное / Сост. Л. Е. Масанова, И. В. Ерофеева. Алматы: Print-S, 2011. 740 с.*
- Мухамбетова А. Календарь и жанровая система традиционной музыки казахов // Традиции и перспективы изучения музыкального фольклора народов СССР / ред.-сост. Э. Е. Алексеев, Л. И. Левин. М.: б/и, 1989. С. 107–133.*
- Попов В. А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (Вместо ответа оппонентам) // Советская этнография. 1982. № 1. С. 68–79.*
- Попова Л. Ф. Социальные функции старших возрастных групп в сельских поселениях Казахстана и Киргизии // Феномен социализации в этнической культуре. Материалы XI Санкт-Петербургских этнографических чтений / отв. ред. В. М. Груссман, Е. Е. Герасименко. СПб.: изд-во ИПЦ СПГУТД, 2012. С. 83–89.*

- Сазонова М. В.* О женских возрастных группах в Хорезме // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений / под ред. В. П. Курылева, Л. И. Лаврова. Л.: Наука, 1978. С. 10–11.
- Снесарев Г. П.* Традиция мужских союзов у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. II. Памятники средневекового времени. Этнографические работы / под ред. С. П. Толстова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 155–205.
- Снесарев Г. П.* О реликтах мужских союзов в истории народов Средней Азии [текст]. Доклады VII Международного конгресса антропологической и этнографической наук. М.: Наука, 1964. 8 с.
- Стасевич И. В.* Традиционные представления о возрастных и социальных статусах в современном казахском обществе (по материалам экспедиции в Западный Казахстан) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 149–153.
- Стасевич И. В.* Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 202 с.
- Стасевич И. В.* Новые способы трансляции информации в обрядовой культуре казахов // Кунсткамера. 2021. № 4. С. 168–178.
- Телеуова Э. Т.* Социальная структура и социальная стратификация традиционного общества // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2018. № 3 (90). С. 47–55.
- Толстов С. П.* К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник древней истории. 1938. № 1 (2). С. 72–81.
- Толстов С. П.* Древний Хорезм: опыт историко-археологического исследования. Москва: 6-я тип. Треста «Полиграфкнига», 1948. 352 с.
- Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1971. 634 с.
- Тохтабаева Ш. Ж.* Этикетные нормы казахов. Часть II. Семья и социум. IPub, 2017. 347 с. <https://app-search.ru/kulyturologiya/318417/>
- Шаханова Н. Ж.* Половозрастная стратификация традиционного общества казахов (конец XIX — начало XX в.) // Этносы и этнические процессы. Памяти Р. Ф. Итса. Сборник статей / отв. ред. В. А. Попов. М.: Наука, 1993. С. 137–150.
- Шаханова Н. Ж.* Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы: Қазақстан, 1998. 174 с.
- Арғынбаев Х. А.* Қазақ халқындағы семья мен неке (тарихи-этнографиялық шолу). Алма-Ата: Ғылым, 1973. 325 б.
- Stasevich I. V.* Kazakh Women Wedding Headdress in the MAE RAS Collection // Manuscripta Orientalia. June 2016. Vol. 22. No. 1. P. 20–36.

References

- Argynbaev, H. A. 1973. *Family and Marriage Among the Kazakh (Historical and Ethnographic Review)*. Alma-Ata: Nauka. 325 p. (in Kazakh).
- Ernazarov, Zh. T. 2003. *Semeinaia obriadnost' kazakov: simvol i ritual* [Kazakh Family Rituals: Symbol and Ritual]. Almaty. 200 p.
- Igibaeva, A. K., and G. K. Kasymbekova. 2018. Sotsiokul'turnye i psikhologicheskie aspekty vozrastnoi periodizatsii kazakov [Sociocultural and Psychological Aspects of the Age Periodization of Kazakhs]. In *Zhenshchiny-uchenye Belarusi i Kazakhstana: sb. materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Women Scientists of Belarus and Kazakhstan: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference], ed. by I. V. Kazakova et al. Minsk: RIVSH. 150–153.

- Kalinovskaia, K. P. 1989. *Skotovody Vostochnoi Afriki v XIX–XX vv.: khoziaistvo i sotsial’naia organizatsiia* [Pastoralists of East Africa in the 19th — 20th Centuries: Economy and Social Organization]. Moscow: Nauka. 255 p.
- Kalinovskaia, K. P. 1995. *Ocherki etnologii Vostochnoi Afriki* [Essays on the Ethnology of East Africa]. Moscow: IEA RAN. 359 p.
- Kon, I. S. 1981. *K probleme vozrastnogo simvolizma*. [On the Problem of Age Symbolism]. *Sovetskaia etnografia* 6: 98–106.
- Lobacheva, N. P. 1989. *Sverstniki i sem’ia* (K voprosu o drevnei polovozrastnoi gradatsii obshchestva u narodov Srednei Azii i Kazakhstana) [Peers and Family (On the Issue of Ancient Gender and Age Gradation of Society Among the Peoples of Central Asia and Kazakhstan)]. *Sovetskaia etnografia* 5: 83–95.
- Masanov, N. E. 2011. *Kochevaia tsivilizatsiia kazakhov: osnovy zhiznedeiatel’nosti nomadnogo obshchestva* [Nomadic Civilization of the Kazakhs: the Basics of Life of a Nomadic Society]. Almaty: Print-S. 740 p.
- Mukhambetova, A. 1989. *Kalendar’ i zhanrovaia sistema traditsionnoi muzyki kazakhov* [Calendar and Genre System of Traditional Kazakh Music]. In *Traditsii i perspektivy izucheniiia muzykal’nogo fol’klora narodov SSSR* [Traditions and Prospects for Studying the Musical Folklore of the Peoples of the USSR], ed. by E. E. Alekseev, L. I. Levin. Moscow. 107–133.
- Popov, V. A. 1982. Polovozrastnaia stratifikatsiia v etnosotsiologicheskikh rekonstruktsiakh pervobytnosti (Vmesto otveta opponentam) [Sex and Age Stratification in Ethnosociological Reconstructions of Primitiveness (Instead of Answering Opponents)]. *Sovetskaia etnografia* 1: 68–79.
- Popova, L. F. 2012. Sotsial’nye funktsii starshikh vozrastnykh grupp v sel’skikh poseleniakh Kazakhstana i Kirgizii [Social Functions of Older Age Groups in Rural Settlements of Kazakhstan and Kyrgyzstan]. In *Fenomen sotsializatsii v etnicheskoi kul’ture. Materialy XI Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Phenomenon of Socialization in Ethnic Culture. Materials of the XI St. Petersburg Ethnographic Readings], ed. by V. M. Grusman, E. E. Gerasimenco. St. Petersburg: Publishing and Printing Center of the Saint Petersburg University of Technology and Design. 83–89.
- Sazonova, M. V. 1978. O zhenskikh vozrastnykh gruppakh v Khorezme [About Female Age Groups in Khorezm]. In *Kratkoe soderzhanie dokladov Sredneaziatsko-kavkazskikh chtenii* [Summary of Reports of the Central Asian-Caucasian Readings], ed. by V. P. Kuryleva, L. I. Lavrova. Leningrad. 10–11.
- Shakhanova, N. Zh. 1993. Polovozrastnaia stratifikatsiia traditsionnogo obshchestva kazakhov (konets XIX — nachalo XX v.) [Sex and Age Stratification of Traditional Kazakh Society (Late 19th — Early 20th Centuries)]. In *Etnosy i etnicheskie protsessy. Pamiati R. F. Itsa. Sbornik statei* [Ethnicities and Ethnic Processes. In Memory of R. F. Its. Digest of Articles], ed. by V. A. Popov. Moscow: Nauka. 137–150.
- Shakhanova, N. Zh. 1998. *Mir traditsionnoi kul’tury kazakhov (etnograficheskie ocherki)* [The World of Traditional Kazakh Culture (Ethnographic Essays)]. Almaty: Kazakhstan. 174 p.
- Snesarev, G. P. 1964. *O reliktakh muzhskikh soiuzov v istorii narodov Srednei Azii. Doklady VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskoi i etnograficheskoi nauk* [On the Relics of Male Unions in the History of the Peoples of Central Asia. Reports of the VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences]. Moscow: Nauka. 8 p.
- Snesarev, G. P. 1963. Traditsiia muzhskikh soiuzov u narodov Srednei Azii [Tradition of Male Unions Among the Peoples of Central Asia]. In *Materialy Khorezmskoi ekspeditsii. Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. II. Pamiatniki srednevekovogo vremeni. Etnograficheskie raboty* [Materials of the Khorezm Expedition. Field Research of the Khorezm Expedition in 1958–1961. II. Monuments of the Medieval Period. Ethnographic Works], ed. by S. P. Tolstov. Vol. 7. Moscow: Izdatel’stvo AN SSSR. 155–205.
- Stasevich, I. V. 2007. Traditsionnye predstavleniya o vozrastnykh i sotsial’nykh statusakh v sovremennom kazakhskom obshchestve (po materialam ekspeditsii v Zapadnyi Kazakhstan) [Traditional Ideas

- About Age and Social Statuses in Modern Kazakh Society (Based on Materials From an Expedition to Western Kazakhstan)]. In *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2006 g.* [Radlov Collection of Articles. Research and Museum Projects of MAE RAS in 2006], ed. by Yu. K. Chistov, M. A. Rubtsova. Saint Petersburg: MAE RAS. 149–153.
- Stasevich, I. V. 2011. *Sotsial'nyi status zhenschchiny u kazakhov: traditsii i sovremenność'* [Social Status of Women Among Kazakhs: Traditions and Modernity]. Saint Petersburg: Nauka. 202 p.
- Stasevich, I. V. 2016. Kazakh Women Wedding Headdress in the MAE RAS Collection. *Manuscripta Orientalia* 1(22): 20–36.
- Stasevich, I. V. 2021. Novye sposoby translatsii informatsii v obriadovoi kul'ture kazakhov [New Ways of Transmitting Information in the Ritual Culture of the Kazakhs]. *Kunstkamera* 4: 168–178.
- Teleuova, E. T. 2018. Sotsial'naia struktura i sotsial'naia stratifikatsiia traditsionnogo obshchestva [Social Structure and Social Stratification of Traditional Society]. *Vestnik KazNU. Seriia istoricheskaiia* 3 (90): 47–55.
- Tokhtabaeva, Sh. Zh. 2017. *Etiketnye normy kazakhov. Chast' II. Sem'ia i sotsium* [Etiquette Norms of the Kazakhs. Part II. Family and Society]. IPub. 347 p. <https://app-search.ru/kulturologiya/318417/>
- Tolstov, S. P. 1938. K istorii drevneturkskoi sotsial'noi terminologii [On the History of Ancient Turkic Social Terminology]. *Vestnik Drevney istorii* 1(2): 72–81.
- Tolstov, S. P. 1948. *Drevni Khorezm: opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia* [Ancient Khorezm: an Experience of Historical and Archaeological Research]. Moscow: Shestaia tipografia Tresta «Poligrafkniga». 352 p.
- Tolybekov, S. E. 1971. *Kochevoe obshhestvo kazakhov v XVII — nachale XX veka* [Nomadic Society of Kazakhs in the 17th — Early 20th Centuries]. Alma-Ata: Nauka. 634 p.
- Zadykhina, K. L. 1951. Perezhitki vozrastnykh klassov u narodov Srednei Azii [Remnants of Age Classes Among the Peoples of Central Asia]. In *Trudy Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia. Novaia seriia. Vol. XIV Rodovoe obshhestvo* [Proceedings of the Institute of Ethnography Named After N. N. Miklouho-Maclay. New Series. Vol. XIV. Tribal Society], ed. by S. P. Tolstov. Moscow. 157–179.